

И. А. Алексеев, С. В. Смирнов

ЭССЕ СЮЙ ЧЖИМО «МОСКВА» ИЗ «ЗАМЕТОК О ПУТЕШЕСТВИИ В ЕВРОПУ» (1925)

Аннотация. Впервые публикуемое на русском языке эссе китайского поэта Сюй Чжимо (1897–1931) «Москва» является фрагментом путевых заметок, составленных поэтом во время его путешествия в Европу, предпринятого в 1925 г. через территорию Советской России. Сюй Чжимо, один из первых китайских поэтов-приверженцев европейского романтизма, реформаторов китайского стихосложения, также являлся активным участником общественно-политической жизни Поднебесной 1920-х гг., сторонником либеральной идеи. Посещение России, и особенно трехдневное пребывание в Москве, стало поворотным моментом в отношении поэта к российской революции. Убежденный либерал, тем не менее ранее симпатизировавший большевистской революции, Сюй приходит к пониманию того, что путь построения Рая на земле, предложенный российской революцией человечеству, слишком жесток и кровав, и призывает китайскую молодежь не следовать бездумно чужим идеям, а искать свой революционный путь. Москва Сюй Чжимо предстает перед нами сплавом снега, пламени и крови; городом, стяжающим славу стать Римом нового человечества; центром страны, бросившей на алтарь будущего человечества материальное благосостояние, индивидуальную свободу, саму жизнь своего народа. Этот город завораживает и одновременно пугает и отталкивает автора. Перевод выполнен по тьяньцзинскому изданию «Полного собрания сочинений Сюй Чжимо» 2005 г. под редакцией Хань Шишаня.

Ключевые слова: Сюй Чжимо; Москва; Советская Россия; российская революция; китайский либерализм

Ivan A. Alexeev, Sergey V. Smirnov

XU ZHIMO'S ESSAY "MOSCOW" FROM "NOTES ON A JOURNEY TO EUROPE" (1925)

Abstract. "Moscow", an essay by the Chinese poet Xu Zhimo (1897–1931), first published in Russian, is a fragment of travel notes compiled by the poet during his journey to Europe, undertaken in 1925 through the territory of Soviet Russia. Xu Zhimo, one of the first Chinese poets-adherents of European romanticism, reformers of Chinese versification, was also an active participant in the social and political life of China in the 1920s, a supporter of the liberal idea. The visit to Russia, and especially the three-day stay in Moscow, was a turning point in the poet's attitude to the Russian revolution. A staunch liberal, who had previously sympathized with the Bolshevik revolution, Xu comes to understand that the path of building a Paradise on earth, proposed by the Russian revolution to humanity, is too cruel and bloody, and calls on the Chinese youth not to follow thoughtlessly foreign ideas, but to seek their own revolutionary path. Xu Zhimo's Moscow appears before us as a fusion of snow, flame, and blood; a city that is gaining the glory of becoming the Rome of a new humanity; the center of a country that has thrown material well-being, individual freedom, and the very life of its people on the altar of the future of humanity. This city fascinates and at the same time frightens and repels the author. Translated from the 2005 Tianjin edition of "The Complete Works of Xu Zhimo", edited by Han Shishan.

Keywords: Xu Zhimo; Moscow; Soviet Russia; Russian revolution; Chinese liberalism

Сюй Чжимо (Сюй Чжансю, 1897–1931) известен в Китае не только как один из первых поэтов-новаторов, пытавшийся внедрить в китайский поэтический канон традиции западноевропейской романтической поэзии, но и как активный участник общественно-политической жизни страны в 1920-е гг.

Сюй Чжимо родился в уездном городе Хайнин провинции Чжэцзян в семье преуспевающего бизнесмена, человека богатого, но не знатного. Закончив престижную среднюю школу нового типа в Ханчжоу, будущий поэт некоторое время учился в Шанхайском баптистском колледже (1915–1916), где познакомился с западной культурой, а в 1916–1918 гг. – на юридическом факультете Бэйянского (позднее – Тяньцзиньский) и Пекинского университетов. В 1918 г. Сюй выезжает для продолжения обучения в Соединенные Штаты. Здесь он изучает политику, экономику и историю сначала в Университете Кларка, позднее – в Колумбийском университете, где был удостоен степени магистра политических наук. Не сумев прижиться в «невыносимой» Америке, Сюй Чжимо перебирается в Англию, где учится в Королевском колледже Кембриджского университета. Именно здесь он попадает под влияние английской романтической поэзии Дж. Китса, П. Б. Шелли и др. [Spence, p. 151–156]. В 1922 г. Сюй возвращается в Китай и с головой уходит в общественно-политическую жизнь страны.

Китай начала 1920-х гг. был похож на растревоженный улей: в стремлении вернуть Поднебесной отнятые иностранцами права и сделать государство могущественным и процветающим передовые силы общества пытались отыскать идеологические инструменты, с помощью которых можно было бы осуществить эти планы. Антиимпериалистические манифестации в крупных городах перемежались с дискуссиями о путях общественного развития, возникали все новые политические и общественные организации. Особенно быстро набирали силу сторонники левых взглядов, вдохновлявшиеся революционными преобразованиями в России. Впитавший в себя во время учебы на Западе либеральные воззрения, Сюй Чжимо не был противником социализма. Еще в Кембридже он увлекся идеями фабианского социалиста Г. Ласки и симпатизировал большевистской революции в России, которую сравнивал с Великой Французской революцией. Считая, что российская революция открыла всему миру путь к созданию совершенного общества, Сюй вступил в полемику с преподававшим в 1920–1921 гг. в Китае Б. Расселом, заявившем о своем разочаровании в Советской России после посещения этой страны [Ломанов, 2018, с. 338].

После возвращения в Китай Сюй Чжимо обосновался в Пекине, где некоторое время преподавал в Пекинском университете. В 1923 г. он совместно с Ху Ши (1891–1962), одним из лидеров китайского либерализма, и Вэнь Идо (1899–1946), поэтом и участником «движения 4 мая», стал организатором литературного общества «Новолуние» (Синьюэ шэ), заявлявшего о независимости искусства от политики и искавшего пути синтеза западной и китайской форм стихосложения. В это же время Сюй Чжимо, как и некоторые другие участники «Новолуния» сотрудничал с газетой «Чэньбао» («Утренняя газета»), являвшейся в период «движения 4 мая» одним из рупоров марксизма.

В начале 1925 г. Сюй Чжимо принял решение посетить Европу, что было связано в том числе и с его семейными делами. Путь в Европу поэт проделал в марте 1925 г. поездом через территорию Советской России. Недолгое пребывание в России, особенно три дня в Москве, стало важным событием в трансформации политических взглядов Сюй Чжимо, выразившейся уже в его путевых заметках о путешествии в Европу.

Русская природа (вкуче с погодными условиями начала весны), описанию которой Сюй отдал немало места в своих путевых заметках, оказала на поэта мощное воздействие своим сурово-ледяным величием и в чем-то испугала его. Возможно, поэтому он неоднократно указывает на пробуждающе-обновляющее воздействие русского воздуха, всей действительности на сознание чужеземца, что имеет и другой подтекст – освобождение от сна революционно-большевистских иллюзий. Под стать русской природе и русские люди, рожденные во льдах и пламени, настоящие герои, готовые пролить реки крови, чтобы построить Рай на земле. Вождь этих строителей будущего – умерший и вечно живой Владимир Ленин – уподобляется Сюй Чжимо Иисусу в его роли революционного вождя человечества. Размышляя о мировой роли революционной России, Сюй Чжимо не отрицает, что, возможно, Москве суждено стать центром будущей цивилизации, новым Римом для свободного от рабства человечества. Однако цена, которую за это платит Россия и русский народ, слишком высока, путь в Эдем слишком кровав, и этот путь не подходит для Китая. Поэт, считая, что в целом мир требует революционных потрясений, тем не менее, предостерегает наиболее рьяных в Китае, стремящихся зажечь факел и взять в руки меч наподобие русских, от слишком поспешных действий, от бездумного подражательства [Ломанов, 2018, с. 345; 徐志摩全集, 第110页].

По возвращении из Европы Сюй Чжимо в октябре 1925 г. стал редактором периодического приложения «Чэньбао» – «Чэньбао фукань», превратившегося в платформу ожесточенной дискуссии о «красном империализме» Советской России. С самого начала дискуссии наметился крен в пользу сторонников утверждения о том, что СССР является более опасным врагом для Китая, нежели западный империализм, поскольку русские, пытаются «подкупить сознание» китайцев, «коррумпируют их души» «задурить китайскую молодежь», оккупируя территории Китая – Внешнюю Монголию. Этот крен вызвал недовольство среди революционно настроенных студентов Пекина, которые в конце ноября 1925 г. выдвинули лозунг «Долой “Чэньбао” и узурпаторов общественного мнения!» и сожгли здание редакции [Ломанов, 2018, с. 340, 341].

Сам Сюй Чжимо, не высказавший своей позиции во время дебатов о «красном империализме», выступил на страницах «Чэньбао фукань» в январе 1926 г. с критикой правомерности использования классовой теории К. Маркса в китайских условиях. Сюй заявил, что китайское общество не знает абсолютных классов, поэтому классовая борьба, пропагандируемая китайскими коммунистами, ему чужда. Ориентация на опыт России, единственного государства, где сбылись революционные предсказания Маркса, и то не в силу высокого уровня российской индустриализации, а наоборот – незрелости российского

капитализма, опасна, поскольку «русская революция стала самым безжалостным и мучительным делом в человеческой истории, только из-за героического характера русских людей они смогли терпеть до сегодняшнего дня». Кроме того, вождем революции должен быть национальный лидер, как Сунь Ятсен, а не импортный, как Ленин, перед которым поэт испытывал страх из-за его фанатизма и нежелания признавать собственные ошибки. В завершении Сюй Чжимо заявил о себе как о «неисправимом индивидуалисте», который «знает только индивида, четко понимает только индивида и верит только в индивида». Смысл демократии, по его мнению, заключался во всеобщем индивидуализме, в сознательной мысли и сознательных усилиях каждого индивида, что противопоставлялось классовому солидаризму и коллективистскому способу мышления [Ломанов, 2018, с. 344, 345; Spence, p. 190, 191].

В своих оценках революционного эксперимента в России Сюй Чжимо разошелся с лидером китайских либералов – Ху Ши, который летом 1926 г. также как Сюй посетил Москву по пути в Европу. Ху Ши сделал совершенно противоположные выводы из посещения Советского Союза, выказав сочувственное и благожелательное отношение к советскому «огромному и беспрецедентному политическому эксперименту» [Ломанов, 2015, с. 33]. Несмотря на идейные расхождения с Ху Ши, Сюй Чжимо вошел в состав возрожденной в Шанхае в 1928 г. творческой группы «Новолуние» (Синьюэ-пай) и публиковался на страницах ее изданий.

В ноябре 1931 г. во время перелета на почтовом самолете из Нанкина в Шанхай поэт погиб в авиакатастрофе недалеко от Тайаня.

Публикуемый нами текст является частью путевых заметок Сюй Чжимо «Заметки о путешествии в Европу», основу которых он составил во время своей европейской поездки в марте 1925 г., а позднее, находясь в Италии, осуществил их литературную обработку. Заметки были опубликованы в виде отдельных эссе в газете «Чэньбао» в июне – августе того же года. Путевые заметки, касающиеся России, можно условно разбить на три цикла: дорожные встречи, Сибирь и Москва. В Московский цикл входят пять эссе: «Москва», «Толстой», «Еврейский “кошмар”», «Кладбище Чехова» и «Кровь. Мысли по поводу посещения мавзолея Ленина». Настоящий перевод осуществлен по тьяньцзинскому изданию «Полного собрания сочинений Сюй Чжимо» 2005 г. под редакцией Хань Шишаня [徐志摩全集].

Влияние английского языка и культуры на Сюй Чжимо не могло не сказаться на стиле оригинальной публикации. Результатом билингвизма поэта стало не только смешение латинской и иероглифической график, но и авторские формы транскрибирования отдельных реалий и имен собственных. Дешифровка таких позиций стала одной из наиболее серьезных переводческих задач – точечные комментарии по некоторым из них оформлены в виде постраничных сносок. К сожалению, формат настоящей публикации не позволяет в должной мере продемонстрировать неоднозначность осуществленных трансформаций, которые заслуживают отдельного полноценного обзора.

Сюй Чжимо. Москва

Ах, Москва! Сколько всего пережил этот город! Рим – ветхий сон для любящих грезы; Нью-Йорк – дворец бога богатства¹ для любящих деньги; Париж – яма разврата для любителей похоти; Лондон – затянутая дымом пустыня для искушенных в искусстве. А что же Москва? Вместо шрамов древней славы она покрыта свежими кровоточащими отметинами; вместо пышных дворцов – лишь храмы с обилием куполов; вместо солнечного тепла – улицы, утопающие в грязи; вместо гуманности – наводящие ужас величие и жестокосердие. Замри в тенистом лесу на Воробьевых горах, устремись вслед за Москвой рекой, наполовину скованной льдом. Этому городу предстоит стать нашим компасом в начавшемся столетии; Москва – эмблема будущей цивилизации. Арки Древнего Рима – рассыпающиеся в руках страницы и стертые камни; арки грядущей Москвы – плоть и кровь русского народа. Москва, поскорей созови своих мастеров разрушения, вложи им в одну руку факел, а в другую – смертоносный меч, поскорей доверши начатое, чтобы через тысячу лет свободные от рабства потомки неиссякаемым потоком устремились к тебе, подобно тому, как сейчас они едут в Рим. В будущем они поспешат к Воробьевым горам поклониться твоей архитектуре, восхититься твоим трудом и воспеть твое неувядаемое величие!

Таковы были думы, захлестнувшие меня в первый день прибытия, когда я прогуливался возле Кремля. Поезд въехал в город к шести утра, в прошлые же сутки мы проезжали леса – кажется, в районе Владимира. Большая часть деревьев была уничтожена в годы войны – от старых сосен сохранились лишь обожженные изуродованные жерди, воткнутые в снег. А еще глубже, под снежным покровом, было похоронено великое множество людей, обагривших кровью сугробы. Рвы тоже можно было различить, правда, не очень отчетливо. Снегопад, засыпавший пейзаж год от года, сглаживал высоты и овраги, укрывая от взора следы человеческих зверств². Не будь его и как знать, быть может, у особенно чувствительных писателей было бы больше поводов взяться за перо. Но и такие следы войны привлекали внимание всех проезжавших мимо. Они стали самой запоминающейся декорацией на пути в Москву. Преодолевая Сибирь, по мере того как состав прокладывает путь в необозримом ослепительно белом пространстве, изредка удастся подметить фрагменты жизни русских людей, те тяготы и ту стойкость, которыми отмечена их жизнь. Обращаешь внимание и на особенности ландшафта: горы, окружающие Байкал, могучий лес, опоясавший Уральский хребет. Можешь вдохнуть здешний воздух, необычайно свежий, морозный и колющий, пронизывающий всего тебя металлической проволокой. Мысль в тот же момент проясняется, а душа набирается сил и рвется на свободу. Таково свойство этого места: вся лень, неразборчивость, косность, депрессия и все, что хоть как-то обременяло, сковывало и мешало, в единый миг отброшено прочь. Взор становится зорок, чувства цепки. Раскрой же пошире глаза, дай им сбросить морок и дрему, позволь напиться живящим простором, позволь духу окрепнуть!

¹ В оригинале автор использует форму записи латиницей: “Mammon”.

² Какие события имеются в виду, установлено не было.

Сердце – пробудись! – теперь ты в России. Теперь ты в Москве, столице страны, раскинувшейся от Берингова пролива до Балтики, страны, вдающейся в Ледовитый океан. Москва – город, вобравший в себя снега, пламя и кровь.

В этом пламени первой исчезла прежняя Россия. Россия старого режима, самоуправления, излишеств, аристократии, декаданса; Россия дам в длиннополых платьях, повозок в позолоте, чиновников с табакерками, дворян с их охотой; Россия романов Толстого и Достоевского – исчезла. Ее следы теперь можно обнаружить в Париже, Польше, Нью-Йорке, Риме – то тут, то там вам может попасться собственность почтенного графа с фамилией, оканчивающейся на «-вский». Все они беженцы, и с неохотой говорят о родине. За беседой они скажут вам, что Россия больше не их страна, ее захватили демоны (ангелы же были вынуждены спасаться бегством от вспыхнувшего пожара). Русская культура также постепенно становится достоянием прошлого – ее, равно как и славянский дух, из последних сил поддерживают уехавшие за рубеж поэты, живописцы и иные деятели искусства. Если же вам таки удастся разговорить их, они наверняка будут жаловаться на свои невзгоды, будут без умолку твердить о том, сколько они пережили. Затем, они поведают о том какой у них был мрамор в имении, как юны и прелестны были их племянницы... но дни, которых они так ждут вот-вот настанут, шайка захватчиков будет скинута, ведь есть же справедливость в мире, ведь есть же...

Так что приезжая в Москву не следует искать здесь памятников старой культуры. Впрочем, нет здесь пока и новой культуры, и это, как ни странно, преимущество. О том, что же здесь можно увидеть, я попытаюсь рассказать.

Сначала поднимите взгляд вверх. Вы не увидите небесной лазури, лишь неясные спутанные еле-плывущие в холоде облака. Это небо (то, что видел я) взаправду безрадостно, даже, я бы сказал, траурно. Солнце если показывается, то лишь изредка и также вяло, безжизненно. Чуть засветило, и снова назад. Так больной обычно отодвигает рукой занавески в палате.

А теперь опустите взгляд вниз. Черт бы побрал московские улицы в марте. Я способен мириться с ровным застывшим зимним покровом и способен понять обильное его таянье по весне, но то, что происходит между – увольте. Природа как будто не может определиться, чего же ей хочется: чтобы все замерзло, или чтобы все растаяло. Поэтому она чередует то и другое ежедневно. Выглянет солнце – из-под ледяной корки выступит блеклая жидкость, но стоит светилу скрыться – вновь замерзает. И всю дорогу идет какой-то мокрый снег, да так обильно, что нет решительно никакой возможности очистить тротуары. В общем, никто и не чистит. Пусть будет жижка. В конечном счете, однажды растает. Так что уж если надумаете ехать в Россию в это время года – не вздумайте выезжать без сапог.

Еще можно взглянуть на уличные лавки. Заведениям следует обслуживать клиентов – если у Жуйфусян¹ не будет посетителей, им придется закрыться. Здесь, в Москве, не встретить магазинов, торгующих предметами роскоши – почти сплошь раскиданы забегаловки (вероятно, такова политика властей). Но что действительно может нагнать страху, так это местные цены: шелковых женских чулок, говорят, так

¹ Жуйфусян (瑞蚨祥) – знаменитая старинная сеть элитных магазинов одежды в Китае.

запросто не достать, но уж если удастся, то не меньше чем за пятнадцать–двадцать юаней¹. Обувь, если получше, то около сорока юаней, крупные мандарины по семь с половиной мао, маленькие по пять за штуку. Наш завтрак в гостинице на четверых – двадцать юаней. Остальные расценки можете вывести по аналогии.

Теперь стоит всмотреться в прохожих, изучить их одежду и лица. После отъезда аристократии и буржуа, культура внешнего вида здесь также испарилась. На мужчине почти не увидишь белой рубашки, не говоря уж о новом галстуке (вообще, большинство обходится без них). Да и просто найти опрятно одетого человека не так-то просто. Я случайно наткнулся на местного профессора², его рубашка, как кажется, одновременно была и его ночной сорочкой; его пальто имело отдаленное сходство с черной собачьей шкурой – не исключено, что оно же служило ему одеялом. Волосы на голове у него были похожи на заросли, и вряд ли в ближайшее время их касалась расческа. По щекам же и на подбородке растительность и вовсе чувствовала себя свободно – о безопасной бритве речи здесь и не шло. И скорее всего, этот человек не был исключением из правил. У меня сложилось впечатление, что все молодые люди здесь выглядят примерно так – если бы вы представляли их привычный образ жизни, то и вам бы не показалось это странным. Герберт Уэллс, бывший в Москве лет пять назад, тоже встречался с профессурой. Внешностью ученые, по его словам, напоминали не то заключенных, не то бесов. Мне кажется, что если он и преувеличил, то не сильно. Крестьян в округе я не встретил, но навряд ли они сильно отличались от людей, мельком виденных мной в Сибири – с могучей бородой и в огромных сапожищах. Рабочих – полные проспекты; их облик во всем вполне себе заурядный, за исключением приколотых значков с Лениным. Застал я и марширующую детвору. Со стороны кажется, будто попрошайек, всех как один в черном, вывели топтать слякоть, держать красные флаги и бить в барабаны. Мелких торговцев за лотками и с корзинами тоже немало. Среди них много увечных мужчин и пожилых женщин. Продают фрукты, сигареты, хлеб, шоколад (несъедобный) и прочее (в киосках можно купить и книги с газетами, и что-нибудь перекусить).

Девушки попадаютс двух видов. Одни – жены или сестры тех, кто побогаче. С одеждой они выкручиваются как могут – чулок, как я говорил, не достать. Другие – коммунистки. Их можно отличить по манере держаться и по красному платку, повязанному на голове. Встречаются и красные головные уборы, но не на парижский манер. На утопающих в грязном снеге улицах они единственная отрада!

Все познается в сравнении: в тот год, когда мы с Чэнь Бошэном³ из Англии ездили во Франкфурт, один день действительно, казалось, тянулся целую неделю. Прохожие на улице, кого ни возьми, все точно только что вышли от портного. Я в своем дорожном костюме на их фоне выглядел просто заграничным попрошайкой! На этот же раз в Москве я вновь чувствую себя неудобно, но по абсолют-

¹ Примерное соотношение советского золотого червонца к китайскому юаня составляло в 1925 г. 1 к 1,2.

² Личность не установлена.

³ Чэнь Бошэн (陈博生, 1891–1957) – известный китайский журналист, участник «движения 4 мая» 1919 г.

но противоположной причине. Вы только помыслите себе описанные мной улицы и вид людей на них: среди толпы, обернутой в поношенные тряпки, внезапно возникает силуэт иностранца, сияющий бобровым воротником и шапкой из выдры (это я, конечно, хватил через край). Но не то, чтобы это я один так выделяюсь – даже китайских студентов в Москве¹ местные часто кличут «буржуа». И не удивительно, коль скоро мои соотечественники разодеты в темно-синий шевиот, пошитый по последнему фасону! Если так размышлять, то у любого общества есть надежда на перемены, любая привычка может быть отринута, любой стандарт можно переиначить, идею – перевернуть, узел – распутать, а одежду – вывернуть... В будущем же, когда нашим ногам наскучит хождение, мы с радостью прибегнем к помощи рук, встав на четвереньки. Смеяться же, очевидно, будут над теми, кто вновь решит встать прямо – вот это будет номер!

И если мороз в России действительно суров и беспощаден – люди, выкованные им, производят еще более тяжелое впечатление. Их депрессивность, вымученность, напряженность... редко когда на лице проступает улыбка. В разговоре они тоже как будто берегут силы, избегая открытости. Можно подумать, что у каждого из них на душе лежит тяжелый груз.

Искренняя улыбка едва ли не самое редкое, что есть в мире. Европейцы часто говорят, что китайцы смеются намного чаще их, но я бы не брался утверждать подобное. То, что они видят, как мне думается, это больше усмешки или глуповатые смешки, смех без задней мысли или же смех, чтобы уйти от ответа. В своей неестественности это можно сравнить со смехом, который вызывает в русских водка – с этой агонией хохота, как у Достоевского в «Идиоте». Все это нездорово, в этом нет подлинной радости. И этому подвержена далеко не одна Москва – где сейчас в мировых столицах у людей осталась хоть капля искренности? Да, говорят, Дублин изрядное место для веселья, Вена тоже полна задора, но сам я бы назвал лишь Париж. Вот уж где Рай общительности – там улыбки на улицах раскрываются сами собой, точно цветы в марте. В остальном же сказать трудно. Нью-Йорк, Чикаго, Берлин, Лондон – нигде нельзя почувствовать себя по-настоящему комфортно, все время будет преследовать какая-то подозрительность. Так недолго и до помешательства, и уж лучше поскорей убраться оттуда подобру-поздорову, чтобы случайно не заразиться этим «недугом».

Сейчас в Москве распространен один крайне любопытный феномен – если вы поедете сюда, вам непременно следует обратить на него внимание. Я говорю о мужчинах, которые прогуливаются с грудными младенцами прямо на улице. В Западной Европе такого вы точно не встретите – это отличительная черта Советов. Нынешним законом определено, что на одного человека не должно приходиться более одной квартиры. Горничные, няньки, служанки, кормилицы – о них можно забыть. Поэтому молодой семье, или же просто сожителем влюбленным, в вопросах деторождения приходится быть чрезвычайно осмотрительными, ведь теперь до возраста детсада младенец целиком и полностью будет на их попечении. Будьте любезны, сравните это с ситуацией в Пекине, когда вы жалуетесь даже при

¹ Весной 1925 г. в московском Коммунистическом университете трудящихся Востока (КУТВ) обучалось более ста китайских студентов [Панцов, с. 233].

наличии нескольких квартир и служанок! Но если однажды Московские веяния доберутся к нам, то вы уж непременно распрощаетесь со своими хоромами, и будете жить там, где укажет правительство: в Сихуатине или Дунхуатине¹. Тогда вам с вашими господами придется самостоятельно организовывать хозяйство: протирать столы, подметать, готовить, стирать... какая бы мелочь ни появилась – все придется делать самим. Поэтому, когда после обеда вам вдруг захочется пройтись на свежем воздухе, не оставите же вы дитяtko под замком. И вот вы уже прогуливаетесь с ним на руках – на коляску у вас нет денег, а жену просить неудобно (что-то мне подсказывает, что с такими жесткими ограничениями ссор в доме явно будет меньше!). Но что мужчина может знать о том, как держать на руках ребенка? Не станешь же брать его как конверт. Как же его приобнять – вертикально, горизонтально? Но ничего, стоит вам побывать в Москве, и вы, хотите того или нет, но научитесь! К этому времени рождение ребенка перестанет быть таким распространенным делом, и теории Маргарет Сэнгер или Мэри Деннет будут куда более популярны, чем они есть сейчас². Что же касается Москвы, то еще не рожденным «ангелочкам» не о чем волноваться. Возможно, однако, что у здешних родителей просто нет денег на «французскую резину»³ или же это просто правительство не дает им приобретать ее. Уж в этом я не разбирался.

Если у вас останутся силы и время – загляните к русским посмотреть, как они живут. У меня вот был один знакомый профессор⁴. Когда я постучал к нему, он как раз лежал на раскладной койке, листая книгу или исправляя лекции. Но едва увидев, что к нему пришел гость, он тут же вскочил как есть: в изношенной на локтях кофте, с растрепанными волосами и бородой. Его комната изнутри напоминала прямоугольную тыкву; в ней был небольшой деревянный стол, стул, стены были утыканы крючками для одежды. Его собственная кровать была возле окна, а наискосок от нее располагалась еще одна – для его то ли старшего, то ли младшего брата. Также все вертикальное пространство было увешано картами Востока и полосками в пять иероглифов (он был в Китае и понимал язык). По столу были разбросаны несколько книг, клочки бумаги, тушь, шахматная доска и прочая мелочь. Еще в углу стояло подобие котла – вероятно, там была еда. На всю комнату хорошо, если можно было обнаружить два места, чтобы присесть. В целом же передвигаться там даже вдвоем уже было затруднительно – нет-нет да и натолкнешься на что-нибудь.

Такова была жизнь преподавателя. Также по направлению госпожи Ту из посольства я ездил с визитом к старшей дочери Толстого⁵, у нее все было несколько

¹ Сихуатин (西花厅) и Дунхуатин (东花厅) – хутоны в Дунчэне, районе Пекина.

² Сэнгер Маргарет (Margaret Sanger, 1879–1966) – американская активистка, основательница «Американской лиги контроля над рождаемостью». Касательно второй персоналии трудно сделать однозначный вывод. Предположительно, словосочетанию в оригинальном тексте (马利司徒博士) могут соответствовать две кандидатуры, также связанные с упомянутой выше организацией: Мэри Деннет (Mary Dennett, 1872–1947) или Маргарет Чейз-Смит (Margaret Chase Smith, 1897–1995).

³ Речь идет о средствах мужской контрацепции.

⁴ Личность не установлена.

⁵ Толстая-Сухотина Татьяна Львовна (1864–1950) – старшая дочь Л. Н. Толстого. С 1923 по 1925 г. была директором Государственного музея Л. Н. Толстого в Москве.

лучше. Ей, как ни странно, было отведено целых две комнаты: одна побольше, там она учила живописи; другая, жилая, поменьше. Там у нее помещались не только книги и картины, но и презабавная собачка и милая кошечка. Случай дочери, как мне сказали, был особый, ведь ей приходилось заведовать музеем Толстого. Я общался с ней. Конечно, мы говорили о ее отце (ей самой было уже шестьдесят). Ниже я еще вернусь к этому, сейчас же речь о жизни москвичей.

Я приехал в столицу утром субботы, а отбыл под вечер понедельника. Изначально я планировал потратить эти три дня на знакомство с местными достопримечательностями – особенно мне хотелось сходить в театр. Еще сидя в поезде, я все тщательнейшим образом продумал: где буду в первой половине дня, где во второй, куда пойду вечером... Кто же мог знать, что Фортуна будет ко мне столь не благосклонна! Дело в том, что на днях ушел из жизни очередной партийный деятель – фамилия его начиналась не то «Мали-», не то на «Маху-»¹. Этого я никак не мог предугадать. Весь город как по приказу погрузился в траур: из каждого дома выходили проститься с покойным, флаги были приспущены, все представления отменены... Понедельник тоже был объявлен выходным днем. Поэтому за трое суток я не сделал практически ничего из того что хотел. Потому я и не смог проникнуться сочувствием к его кончине. Вот ведь как бывает: а случись это на несколько дней раньше или позже, вероятно, я был бы полон соболезнований.

Поэтому если вы недовольны разрозненностью моих заметок, вспомните о господине «Мали-Маху» и снимите с меня хотя бы часть вины. Все же, у меня еще осталась в запасе пара историй, и я с радостью поделюсь ими.

Я действительно глуповат. Прежде чем приехать, я думал, что Москва была целиком отстроена заново. Мне казалось, что, когда Александр решил выжечь Наполеона, в пожаре сгорел весь город – даже от Кремля остались лишь угли. Вы, конечно, знаете эту историю, когда Наполеон решил занять Москву и отвезти там мороженого². Русские знали, что он точно пойдет за ними и отступали до последнего, заманивая его вглубь страны. В результате же ему достался пустой город. Подождав, пока он расположится в Кремле, солдаты подожгли столицу с двух концов – с востока и с запада. То-то была потеха! Не просто не угостили мороженым, но и погнали прочь до Парижа за печеньем. Спалили все, провиант, фураж... Сам Господь был против захватчика. Северный ветер порывами засыпал все снегом. Наполеон понимал свое положение и знал, что отступать уже слишком поздно. Когда он отправился к Березине, навстречу ему выдвинулись десятки тысяч казацких пик и сабель. Они-то и покромсали войско, почти никого не оставив в живых. Великому Западному Императору и оставалось только взнудать лошадей и улепетывать домой, колотиться в створы парижских ворот. С берегов Березины и по сей день раздаются стоны погибших – неизвестно, доведется ли французам вернуть должок!

Но я сейчас вспоминаю о делах прошлого не для того, чтобы напомнить вам

¹ Имеется в виду Мясникян Александр Федорович (Мясников, 1886–1925), секретарь Закавказского райкома РКП(б), который погиб 22 марта 1925 г. в авиакатастрофе недалеко от Тбилиси.

² Наполеон Бонапарт (1769–1821) являлся большим поклонником мороженого. Будучи сослан на о-в Св. Елены, он даже выписал аппарат для его приготовления.

о Наполеоне. Я лишь хотел продемонстрировать вам чудо русской смекалки, гений их терпеливости. Даже Наполеон – этот величайший правитель и полководец – увидев окутанный дымом Кремль не смог удержаться от возгласа: «Что?! Неужели им не жаль даже обитатели предков?!» Воистину: славяне одарены редчайшим военным талантом – идущий на них войной должен быть готов проститься со своим войском.

Москва в тот год не просто уцелела – сохранился и Кремль, и четырехвековые церкви. Новых строений, конечно, добавилось, но сам этот город остался старым. Сейчас, думая о нем я воображаю себе образ пожилого солдата в отставке. Войны уже миновали, но память о них цела в шрамах на теле. Рубец на щеке, рубец на шее... Его отрешенный взгляд, его длинная борода – во всем можно найти приметы прожитой им жизни. Даже прохудившаяся одежда будто бы стала частью его самого. Так мох, прижившийся на камнях, становится неотделим от них. Вот и в старинной Москве непросто высмотреть знаки нового времени. Может быть, все перемены – это просто красные флаги на крышах. Смотри сегодня на алые полотнища, развивающиеся над Кремлем, невольно задаешься вопросом, какой ценой это было достигнуто. Берегись, путешественник! Протри хорошенько от пыли свои глаза, всмотришься получше вглубь – может быть ты сможешь разглядеть под покровом городского покоя огни и взрывы, спалившие дотла старую культуру.

Но, по правде говоря, если дело действительно дойдет до взрыва, спрятаться удастся разве что на Марсе. И то не факт, что там не бывает своих стихийных бедствий. Сейчас же, пока фитиль еще не сгорел до основания, нам всем бы следовало пользоваться случаем. Нет, я говорю не о бегстве, но о созерцании этого прекрасного места. В тот день утром я стоял на смотровой площадке возле огромного храма¹, впервые обозревая Москву. Под ногами был лед, идти было нелегко, я даже дважды поскользнулся. Но будь благословен этот пейзаж у Москвы-реки – мне и в голову не могло прийти, что он вызовет во мне такие чувства! Если бы не было так скользко, я бы уже вовсю прыгал от восторга! У меня всегда проблемы с определением сторон света; про здешнюю реку я знал только, что она течет с востока на запад. Но тем утром не было солнца, и я не мог определить даже этого. До сих пор жалею, что не последовал примеру Наполеона и не поднялся на Воробьевы горы. С них вид на подернутую морозным дымком Москву наверняка был бы еще лучше. Буду довольствоваться и тем, что довелось испытать – оставлю горы до следующего раза, не исключено, что еще приеду сюда. А вы, мои пекинские друзья, тоже пользуйтесь случаем, ловите момент, съездите до Бэйхая полюбоваться как крыши Запретного города сливаются с небом. В нашем хрупком, надтреснутом мире, где сегодня не можешь поручиться за то, что будет завтра, «ловить момент» просто необходимо. Пока весь Пекин не повторил судьбу Старого Летнего дворца², поспешите в Посольский квартал сделать несколько цветных фотографий. И если, как всегда, хмурясь откажетесь, а потом пожалеете – то так вам и надо!

¹ Автор имеет в виду Храм Христа Спасителя.

² Летняя резиденция китайских императоров – садово-дворцовый комплекс Юаньминъюань, был уничтожен англичанами и французами в конце второй Опиумной войны (1860).

Если Пекин полагается на императора, то Москва полагается на Бога. Видели ли вы православную архитектуру? У нас ее можно найти разве что в Харбине. Особенность этих зданий в том, что посередине у них купол, в виде наверхия от тыквы-горлянки. Бывает, что он разноцветный, немало и синих, но чаще всего – золотой. По четырем сторонам постройки тоже располагаются тыковки, уже поменьше. Размеры, правда, попадаются всякие – есть и малютки, есть и почти с основную. Есть снаружи покрытые орнаментом, наподобие Римских, есть и нарочито белокаменные с огромным золотым куполом. Таков как раз был тот большой храм, исполненный величия. Лучше же прочих – старая церковь, что за пределами Кремля, возведенная примерно в XVI в¹. В ней есть очарование древних грез. Размером она невелика, но если увидите, то однозначно ее не забудете. Она предназначалась для царской семьи и была слишком тесна для служб. Верхушек у нее счетом десять, но расположение их я сейчас не восстанавливаю. У каждого купола свой цвет и форма: есть как наши южные тыквы; есть как молот Янь Чэнфана из «Сказания о Юэ Фэе»²; есть как плод хлебного дерева; есть как свернувшийся кольцом дракон, смотрящий в небо; есть как орудие среднего брата Дань из танских новелл, что там было у него – копье³? Если сложить все вместе, то получится облик, которого я нигде раньше не встречал, даже во снах. Если же вам захочется отведать хлебного дерева или повнимательней рассмотреть наконецник копья – не откладывайте, забирайтесь наверх любоваться!

Москва напоминает улей, где церкви – соты. Всего в городе примерно шесть сотен храмов (некоторые говорят, что восемь). На словах в это даже сложно поверить. Вот в Нью-Йорке на каждой улице есть хотя бы один лоток с мороженым, в Москве – та же ситуация с церквями. Среди них есть как поистине выдающиеся, устремленные в звенящий воздух золотыми куполами, так и крайне неблагоприятные. У последних на верхушке вместо купола будто приделан гнилой корнеплод, а места между двумя стенами едва хватает, чтобы вдохнуть воздуха. Говорят, что после революции религии в России пришлось нелегко. Как мне по секрету сказал служитель той церкви с куполом в виде плода хлебного дерева, новая власть не просто не строила новых храмов, но и не занималась старыми. Положение было весьма скверное. Такого отношения к вере китайцу не понять. Будто и правда молитва важнее еды; прочитать псалом важнее, чем выпечь хлеб. То ли дело у нас – приедешь в Шаосин⁴: «на пять домов три кабака, на десять шагов девять выгребных ям»⁵. Храмы тоже есть – вон, на самой окраине или в горах и то для того, чтобы выбраться разве что по случаю Нового года. Совсем другие нравы, другая жизнь, другое мировоззрение – какая пропасть!

¹ Автор имеет в виду Храм Василия Блаженного.

² Янь Чэнфан (严成方) – персонаж романа «Сказание о Юэ Фэе» (说岳全传), принадлежащем перу Цянь Цая (钱彩, конец XVII – начало XVIII в.).

³ Речь, очевидно, идет о персонаже из «Повествования о [династиях] Суй и Тан» (隋唐演义) за авторством Чу Жэньхо (褚人获, 1635 –?).

⁴ Шаосин (绍兴) – городской округ китайской провинции Чжэцзян. Известен как родина выдающегося китайского писателя Лу Синя (鲁迅, 1881–1936).

⁵ Оригинал фразы: 五家三酒店, 十步九茅坑. Сложно судить, являлось ли данное выражение устойчивым или авторским.

Напоследок, вернемся вновь в то утро, когда я впервые увидел Москву. На еще не тронувшийся лед Москвы-реки падал снег, ложась и к моим ногам горошинами яшмы. По застывшей воде то и дело перелетали с места на место вороны в поисках еды. Здесь перья у них серые и тоньше клюв – я сперва подумал, что это горлинки! По левую руку от меня Кремль молчаливо хранит за своими стенами бесподобную архитектуру. По углам, на башнях можно различить силуэты солдат. Пусть сами башни невысоки, но в них есть достоинство, отрешенная сдержанность. Даже их кирпичи в кладке могли бы рассказать вам о древности. Они бы могли сказать: «Мы не боимся выцвести на солнце, так чего нам бояться людских перемен. Наполеон ушел восвояси, род Романовых оборвался, Керенский бежал, Ленин умер... Река времени приносит новые жертвы, мы же лишь крепнем в летах. Старость нас не пугает. Человечество, сколько крови еще ты готово пустить по течению?» По мою правую руку тот огромный златоверхий храм. Разделенный рекой пейзаж напоминает мне об изобилии лotosового пруда. Тыковки церковей – бутоны. Есть стебли длиннее, есть короче. Ясные, сверкающие, богатые – жаль, что солнце так и не показалось! Если бы светило вышло и озарило каждый купол, сияние бы покрыло все вокруг. Сама Си-ван-му¹ бы могла позавидовать!

Список литературы

- Ломанов А. В. Роль Сюй Чжимо в китайской дискуссии о Советской России // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. М. : ИДВ РАН, 2018. № 23 (Т. 23). С. 336–350.
- Ломанов А. В. Эволюция китайского либерализма в 20–30-е годы XX века: интеллигенция и власть // Новая и новейшая история. 2015. № 3. С. 26–42.
- Панцов А. В. Тайная история советско-китайских отношений. Большевики и китайская революция (1919–1927). М. : Муравей-Гайд, 2001. 456 с.
- Spence J. D. The Gate of Heavenly Peace. The Chinese and Their Revolution, 1895–1980. N. Y.: Viking Press, 1981. 465 p.
- Сюй Чжимо цюаньцзи / Хань Шишань бянь 徐志摩全集 / 韩石山编. 天津: 天津人民出版社. 2005. 417页 [Полное собрание сочинений Сюй Чжимо. Т. 2. Эссе (2) / под ред. Хань Шишаня. Тяньцзинь : Народное издательство Тяньцзиня, 2005. 417 с.].

References

- Han Shishan (Ed.). (2005). *Xu Zhimo quanji* [Complete Works of Xu Zhimo]. Tianjin, Tianjin Renmin Publishing House. 417 p.
- Lomanov, A. V. (2018). Rol' Xu Zhimo v kitaiskoi diskussii o Sovetskoi Rossii [Xu Zhimo's Role in the Chinese Discussion of Soviet Russia]. *Kitai v mirovoi i regional'noi politike. Istoriia i sovremennost'*. No. 23 (Vol. 23), pp. 336–350.
- Lomanov, A. V. (2015). Evolutsiia kitaiskogo liberalizma v 20–30-e gody XX veka : intelligentsiia i vlast' [The Evolution of Chinese Liberalism in the 20–30s of the Twentieth century: Intellectuals and Power]. In *Novaia i noveishaia istoriia*. No. 3, pp. 26–42.
- Pantsov, V. A. (2001). *Tainaia istoriia sovetsko-kitaiskikh otnoshenii. Bol'sheviki i kitaiskaia revoliutsiia (1919–1927)* [The Secret history of Soviet-Chinese relations. The Bolsheviks and the Chinese Revolution (1919–1927)]. Moscow, Muravei-Gaid. 456 p.
- Spence, J. D. (1981). *The Gate of Heavenly Peace. The Chinese and Their Revolution, 1895–1980*. N. Y., Viking Press. 465 p.

The article was submitted on 17.03.2021

¹ Си-ван-му (西王母) – дословно «Владычица Запада», женское божество в древнекитайской мифологии, хранительница снадобья бессмертия.